

УДК 330.342

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-8-964-974>

Экономическое развитие и экономическая политика в период перехода к постнормальности

Владимир Александрович Плотников

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,
plotnikov_2000@mail.ru

Аннотация

Цель. Исследовать трансформации тенденций экономического развития и изменения в приоритетах экономической политики в период современной политико-экономической турбулентности, связанной с переходом к новому квазистойчивому состоянию экономики — постнормальности.

Задачи. Рассмотреть особенности современной российской экономической модели; описать механизм воздействия макрошоков 2020 и 2022 гг. на российскую и мировую экономику; дать характеристику целевому — постнормальному — состоянию национальной и мировой экономики; предложить рекомендации по совершенствованию экономической политики в новых условиях.

Методология. Автором статьи использованы как общенаучные методы исследования, в том числе системный, ретроспективный, институциональный и макроэкономический (позитивный и нормативный) анализ, так и специализированные методы изучения экономической эволюции, экономической динамики и статистики, ситуационного и сценарного моделирования, экономической статистики и др.

Результаты. В последние годы изменились условия внешнеэкономического взаимодействия многих национальных экономик, в особенности российской. На протяжении постсоветского периода в России последовательно и системно проводилась политика либерализации экономики, в частности внешнеэкономической либерализации. Первым существенным ударом по открытости национальных экономик стала пандемия COVID-19. Вторым — введенные против России странами «коллективного Запада» санкции, которые постепенно затрагивают все большее число стран. Суть этих шоков с позиций макроэкономического анализа состоит в скачкообразном росте закрытости национальной экономики. Установлено, что национальные экономики постиндустриального типа оказываются неустойчивыми, маложизнеспособными в условиях новых реалий. Это должно учитываться в экономической политике. Следует обращать внимание и на то, что процессы разрастания кризиса главенствующей сегодня модели открытой экономики неизбежно затронут не только экономические, но и политические, культурные, иные процессы. Попытка преодолеть санкционные удары по России географической переориентацией внешнеэкономических взаимодействий может быть результативной лишь в краткосрочной перспективе, как тактическая мера. Стратегически она не сработает, поскольку изъяны модели открытой экономики, состоящие в высокой (а в ряде случаев — критической) зависимости национальной экономики от внешнеэкономических взаимодействий, не могут исчезнуть. Поэтому в критически важных для национального развития областях эта открытость должна быть снижена. Особое внимание в экономической политике должно быть уделено вопросам социальной справедливости, без решения которых нельзя достичь общественного консенсуса и обеспечить результативность необходимых в связи с переходом к постнормальности институциональных изменений.

Выводы. Современная российская экономика находится на очередном переходном этапе развития. В целом постоянные трансформации — системное свойство экономики, условие ее существования. Вместе с тем в современных реалиях наблюдается трансформация стратегического характера, связанная с изменением ключевого признака имеющейся экономической модели — ее степени открытости. Хотя экономика России в целом смогла адаптироваться к новым условиям функционирования, но это — тактическая адаптация, в стратегическом аспекте ее недостаточно для успешного перехода к постнормальному этапу развития. В этой связи требуется более сбалансированное и активное участие государства в управлении процессами экономического развития, их регулировании, при условии формирования действенных экономических и иных стимулов для поддержки таких процессов и для бизнеса, и для

© Плотников В. А., 2023

населения. Ввиду этого в экономической политике целесообразно учитывать предложенные автором статьи рекомендации.

Ключевые слова: *экономические санкции, экономический рост, экономическое развитие, российская экономика, постнормальность*

Для цитирования: Плотников В. А. Экономическое развитие и экономическая политика в период перехода к постнормальности // *Экономика и управление*. 2023. Т. 29. № 8. С. 964–974. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-8-964-974>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10076, <https://rscf.ru/project/23-28-10076/>; гранта Санкт-Петербургского научного фонда.

Economic development and economic policy in the transition to post-normality

Vladimir A. Plotnikov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, plotnikov_2000@mail.ru

Abstract

Aim. To study the transformations of economic development trends and changes in the priorities of economic policy in the period of modern political and economic turbulence associated with the transition to a new quasi-stable state of the economy — post-normality.

Tasks. To consider the features of the modern Russian economic model; to describe the mechanism of the impact of macro shocks of 2020 and 2022 on the Russian and world economy; to characterize the target — postnormal — state of the national and world economy; to offer recommendations for improving economic policy in the new conditions.

Methods. The author of the article used both general scientific methods of research, including systemic, retrospective, institutional and macroeconomic (positive and normative) analysis, and specialized methods of studying economic evolution, economic dynamics and statics, situational and scenario modeling, economic statistics and others.

Results. In recent years, the conditions of foreign economic interaction of many national economies, especially the Russian economy, have changed. During the post-Soviet period, Russia has consistently and systematically pursued a policy of economic liberalization, in particular, foreign economic liberalization. The first significant blow to the openness of national economies was the COVID-19 pandemic. The second was the sanctions imposed against Russia by the countries of the “collective West”, which gradually affected an increasing number of countries. The essence of these shocks from the point of view of macroeconomic analysis is a jump-like increase in the closedness of the national economy. Under these conditions, it is established that national economies of post-industrial type turn out to be unstable and unviable under the new realities. This should be taken into account in economic policy. Attention should also be paid to the fact that the processes of growing crisis of the currently prevailing model of open economy will inevitably affect not only economic, but also political, cultural and other processes. An attempt to overcome the sanctions on Russia by geographical reorientation of foreign economic interactions can be effective only in the short term, as a tactical measure. Strategically, it will not work, because the flaws of the open economy model, consisting in high (and in some cases — critical) dependence of the national economy on foreign economic interactions, cannot disappear. Therefore, this openness should be reduced in areas critical for national development. Special attention in economic policy should be paid to the issues of social justice, without the solution of which it is impossible to achieve public consensus and ensure the effectiveness of the institutional changes necessary in connection with the transition to post-normality.

Conclusions. The modern Russian economy is at another transitional stage of development. In general, constant transformations are a systemic property of the economy, a condition for its existence. At the same time, in modern realities there is a transformation of strategic nature associated with the change of the key feature of the existing economic model — its degree of openness. Although the Russian economy as a whole has been able to adapt to the new conditions of functioning, but this is a tactical adaptation, in the strategic aspect it is not enough for a successful transition to the post-normal stage of development. In this regard, a more balanced and active participation of the state in the management of economic development processes and their regulation is required, subject to the formation of effective economic and

other incentives to support such processes for both business and the population. In view of this, it is advisable to take into account the recommendations proposed by the author of the article in the economic policy.

Keywords: *economic sanctions, economic growth, economic development, Russian economy, post-normality*

For citation: Plotnikov V.A. Economic development and economic policy in the transition to post-normality. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2023;29(8):964-974. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-8-964-974>

Acknowledgments: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-10076, <https://rscf.ru/project/23-28-10076/>; grant of the St. Petersburg Science Foundation.

Введение

Известный афоризм гласит, что «история учит тому, что она ничему не учит». Это проявляется в том, что многие сюжеты в мировой и национальной истории повторяются, хотя, казалось бы, из исторических событий следовало извлечь уроки. Аналогичные рассуждения применимы и к экономике (или к новейшей экономической истории). Действительно, если проанализировать тексты экономических научных публикаций отечественных авторов постсоветского периода, то указания на сложность экономической ситуации, высокий уровень рисков и неопределенности хозяйственной среды, наличие существенных угроз стабильности и экономической безопасности и т. д. — типичное явление.

С этих позиций события последних лет — пандемия COVID-19 и начало специальной военной операции, послужившее триггером для перехода цивилизационного противостояния России и коллективного Запада в открытую форму принятия этим противостоянием глобального масштаба — ничего принципиально не изменили. Хотя нам, современникам этих событий, в рамках эффекта, удачно названного Л. Н. Гумилевым «абберация близости»¹, и представляется, что это — события эпо-

¹ Абберация близости (термин Гумилева) — искаженное восприятие историком недавних событий. Так как все последствия того или иного явления еще не ясны полностью, исследователь, воспринимающий обширный поток сведений, не способен отличить в нем главное от второстепенного; события теряют масштабность. Некоторые процессы, кажущиеся современникам ничтожными, проявят себя лишь в будущем... С другой стороны, значение многих недавних событий раздувается пропагандой или общественным мнением, которые влияют и на историка. См.: Абберация близости // Понятия и категории: вспомогательный проект портала Хронос. URL: <http://ponjatija.ru/node/15836> (дата обращения: 20.05.2023).

хальные. Возможно, это и так, но оценить в полной мере их значимость можно будет лишь спустя значительный промежуток времени. Вместе с тем, бесспорно, что такие события оказали и будут продолжать оказывать существенное влияние на функционирование и развитие российской экономики в среднесрочной перспективе.

Их значение с позиций макроэкономического анализа состоит в том, что изменились условия внешнеэкономического взаимодействия многих национальных экономик, в частности российской, которая и является объектом анализа в настоящей статье. Это дает основание полагать, что начался переход к новому — «постнормальному» состоянию национальной экономики [1], в рамках которого она будет развиваться не менее чем 10–15 лет. Иными словами, «постнормальность» рассматривается нами как новое квазиустойчивое состояние динамического равновесия национальной экономики, определяемое примерным постоянством институциональной структуры, которую еще предстоит выстроить.

Материалы и методы

В чем состоит принципиальное отличие новых условий, под которые требуется провести институциональные преобразования? На протяжении постсоветского периода в России последовательно и системно проводилась политика либерализации экономики, в особенности внешнеэкономической либерализации. В рамках принятого политического курса для развития рыночных отношений (речь идет о принципиальном рыночном курсе, который, по нашему мнению, сохраняется и до настоящего времени, пусть и в менее ортодоксальной форме) либерализация имела очень важное значение. Под эту концептуальную установку выстра-

Таблица 1

Годовые индексы роста мирового экспорта товаров и ВВП, % [2, р. 54]

Table 1. Annual growth indices of world exports of goods and GDP, % [2, р. 54]

Показатель	2010–2020 в целом	2018	2019	2020
Мировой экспорт товаров	2,7	2,5	0,0	–5,1
в том числе продукция:				
сельскохозяйственная	3,5	4,3	3,0	–2,3
добывающих производств и топливо	1,5	7,8	2,7	–3,1
обрабатывающих производств	2,8	3,5	0,2	–6,3
Справочно: мировой ВВП	2,0	2,9	2,2	–4,0

Таблица 2

Динамика мирового экспорта товаров, млрд долл. [2, р. 56]

Table 2. Dynamics of world exports of goods, billion dollars [2, р. 56]

Год	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2020
Экспорт	59	84	157	579	1 838	3 688	7 382	17 070

ивалась и институциональная структура, и система экономической политики в целом.

Приведем в этой связи цитату из документа сферы государственного управления в период начала рыночных реформ в России, Программы Правительства Российской Федерации (РФ) «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах», утвержденной постановлением Правительства РФ от 28 апреля 1995 г. № 439: «Либерализация внешнеэкономической деятельности является ключевым элементом в реализации основных задач экономической политики Правительства Российской Федерации. Реформы во внешнеэкономической сфере, проводившиеся в последние годы, были нацелены прежде всего на более эффективное включение Российской Федерации в систему международного разделения труда и на формирование экономически обоснованных торговых отношений с зарубежными странами... В нынешних условиях ... необходимо осуществлять ... реализацию рыночной концепции интеграции российской экономики в систему мировых хозяйственных связей».

Несмотря на то, что с момента принятия процитированного документа минуло уже почти 30 лет, изложенные доктринальные положения принципиально не изменились. Они, хотя и с неизбежными ситуационными корректировками, продолжают определять не только курс внешнеэкономической, но и экономической политики России в целом.

Результаты и обсуждение

Первым значительным ударом по открытости национальных экономик стала пандемия

COVID-19. Вследствие предпринимавшихся в 2020 г. правительствами стран мира мер по сдерживанию мобильности населения, направленных на ограничение числа контактов людей и снижение на этой основе темпов распространения инфекции, в том числе трансграничного, внешнеэкономические взаимодействия существенно уменьшились и по частоте, и по объему.

Вторичным эффектом ограничительных антиковидных мер стало снижение производства многих товаров и услуг, как вследствие социальных ограничений для занятого населения (снизились производственные возможности фирм, персонал которых не допускали на рабочие места), так и вследствие ограничения доступа к иностранным ресурсам и рынкам сбыта. Это привело к снижению объемов производства, логичным следствием которого стало сокращение внешней торговли.

В таблице 1 в качестве иллюстрации к сделанным нами умозаключениям приведены данные о динамике мирового экспорта товаров в пред- и пандемический период. Отчетливо заметен эффект снижения экспорта в 2020 г., причем это снижение произошло опережающими темпами, по отношению к мировому валовому внутреннему продукту (ВВП). Это резкое падение особенно заметно на фоне наблюдавшейся, начиная со второй половины XX в., устойчивой тенденции долгосрочного роста мирового экспорта товаров, как видно из таблиц 1 и 2.

Следует отметить, что в большей степени, чем мировая торговля товарами, от пандемии *COVID-19* пострадала торговля услугами, которая, по данным ВТО, сократилась

ВВП России в ценах 2021 г., млрд руб.

Table 3. Russia's GDP in 2021 prices, billion rubles

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП, млрд руб.	128 764,6	131 595,0	128 102,9	135 295,0	132 494,8
Индекс прироста, %	2,81	2,20	-2,65	5,61	-2,07

Примечания: 1. Построено автором с использованием данных Росстата. 2. Данные за 2022 г. приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям.

в 2020 г. на 21 % в годовом исчислении. Согласно исследованиям, «в отличие от товаров, услуги не могут накапливаться, а это означает, что большая часть потерь доходов, вероятно, будет постоянной» [2, р. 10], то есть если в отношении восстановления бизнеса в товаропроизводящих секторах экономики существует некоторый оптимизм, то услуговые сектора не смогут восполнить свои потери в обозримой перспективе, даже при благоприятном восстановлении условий ведения хозяйственной деятельности.

Указанное обстоятельство является существенным, оно свидетельствует о том, что национальные экономики «постиндустриального типа», то есть с доминирующим в их структуре сектором услуг, оказываются неустойчивыми, маложизнеспособными в условиях новых реалий. Постиндустриальная структура экономики из прогрессивного признака экономической модели, как до сих пор принято было считать в *mainstream* экономической теории, начинает трансформироваться в фактор риска. Это позволяет утверждать, что тезис члена-корреспондента РАН С. Д. Бодренова о «мираже постиндустриализма», обоснование которого сопровождалось качественной аргументацией [3], находит количественное подтверждение. Безусловно, этот фактор требует учета в проводимой и перспективной модели экономической политики.

Экономика и России, и мировая в целом быстро восстановилась в 2021 г. Предпосылкой восстановления стало снятие ограничений на перемещение товаров и факторов производства, трансграничное оказание услуг. «Закрытие» на год российской экономики носило временный характер, введенные ограничения за такой короткий срок не успели деформировать физическую и институциональную структуру экономики, изменить систему экономической политики и стимулов экономических агентов. Поэтому после снятия ограничений экономика

в 2021 г. была восстановлена быстрыми темпами, как показано в таблице 3.

Интересно проанализировать индексы прироста ВВП (в текущем году по отношению к предыдущему, %) в 2018–2021 гг., приведенные в таблице 3. Если исключить из рассмотрения атипичный 2020 г. (падение ВВП на 2,65 %) и скорректировать индекс прироста ВВП в 2021 г. на падение в году предшествующем ($5,61\% - 2,65\% = 2,96\%$), то полученная величина «условного прироста» а размере 2,96 % сопоставима с показателями, наблюдавшимися в допандемических 2018 и 2019 гг. (2,81 % и 2,20 % соответственно). Иными словами, можно предположить, что ковидный макрошок не «сбил» национальную экономику с траектории устойчивого развития, он вызвал лишь флуктуацию в динамике количественных показателей этого развития.

В 2020 г., после «ковидной тренировки», экономика России вновь подверглась аналогичному шоковому воздействию [4]. На этот раз — вследствие введенных против нее странами «коллективного Запада» экономических ограничений санкционного характера [5; 6; 7]. Несмотря на то, что причины, формы и проявления введенных ограничений и вызванных ими угроз национальной экономической безопасности были иными, чем в 2020 г., экономическая сущность их влияния не изменилась. Она состоит в аналогичном «ковидному» скачкообразном росте закрытости национальной экономики.

Различие заключается лишь в том, какой субъект является инициатором «закрытия» экономики. В 2020 г. с такими инициативами выступали и российские власти, и иностранные правительства. В 2022 г. инициатива исходила от правительств стран «коллективного Запада». Существует и еще ряд отличий, наиболее существенных, на наш взгляд:

– изменилась отраслевая и секторальная направленность мер по «закрытию» рос-

сийской экономики от мировой. В случае санкций воздействие оказывается на подсистемы отечественной экономики (нефтегазовый сектор, финансовую систему и др.), «закрытие» которых способно нанести максимальный ущерб экономической стабильности, национальной экономической безопасности и возможностям дальнейшего экономического роста. Пандемическое же влияние на экономику не имело настолько яркой структурной направленности, носило более широкий и универсальный характер. Вместе с тем, если рассуждать в терминах теории игр [8], то санкционный шок можно уподобить «игре с разумным противником», а пандемический — «игре с природой». Как известно из теории игр, для игр с разумным противником можно отыскать оптимальную стратегию поведения, что позволяет снять неопределенность и эффективно нивелировать негативное влияние со стороны противника по игре (в нашем случае — недружественных стран);

– сформировался консенсус, что, в отличие от ситуации с пандемией, которая рано или поздно должна была завершиться, санкционные ограничения носят долгосрочный характер. Если при преодолении пандемического шока власти, население, бизнес ориентировались на тактические меры, что продиктовано стремлением переждать неблагоприятный период, то сегодня тактические меры возможны лишь для купирования наиболее очевидных кризисных проявлений. Например, как отметил на заседании Госсовета в апреле 2023 г. Президент РФ, «санкции, конечно, надолго, поэтому наряду с первоочередными мерами замещения импортных технологий и продуктов здесь нужны средне- и долгосрочные преобразования, направленные на стратегические цели именно суверенного развития страны» [9]. Следовательно, необходима разработка стратегии не только преодоления кризиса, адаптации экономики к новым условиям, но и разработка долгосрочной политики развития в изменившихся условиях;

– в отличие от периода пандемии, в условиях санкционного шока появился новый инструмент антикризисного регулирования экономики, состоящий в географической переориентации внешнеэкономических связей со стран недружественных на страны дружественные или нейтральные (в том числе в рамках непубличных схем внешнеэкономического взаимодействия). Это позволяет

несколько смягчить потрясения экономики от ее «закрытия» и может создавать иллюзию, что санкционный шок, как и шок пандемический, можно «переждать». Но это, по мнению автора, не так. Вопрос состоит не только в наличии связей национальной экономики с мировой, но и в том, каково качество этих связей, каково их содержательное наполнение. К сожалению, многие товары и услуги, которые ранее импортировались в Россию из ряда ставших недружественными стран, в среднесрочной перспективе нечем заменить, поскольку в странах дружественных товары и услуги аналогичного вида и качества не производят.

Наше утверждение о том, что механизм влияния шоков 2020 и 2022 гг. на российскую экономику одинаков и состоит в резком блокировании внешнеэкономических взаимодействий, что вызывает нарушения в организации процессов хозяйственной деятельности в экономике, выстроенной по принципам открытой (либеральной) модели, подтверждается количественными оценками последствий этих шоков, приведенными в таблице 3. На одинаковые по своей экономической сущности негативные воздействия экономика должна была отреагировать одинаково. И это произошло. Падение ВВП РФ (исчисленного в постоянных ценах 2021 г.) в 2020 г. составило 2,56 %, а в 2022 г. — сопоставимые 2,07 %.

Разница между шоками 2020 и 2022 гг. состоит в том, что пандемия затронула практически весь мир, в политико-экономическое противостояние (в формате антироссийских санкций) оказались активно вовлечены Россия и союзная ей Белоруссия с одной стороны и группа стран, которые принято в отечественной литературе и общественно-политическом дискурсе обозначать термином «коллективный Запад», — с другой. Остальные страны мира в эти процессы противостояния вовлечены в гораздо меньшей степени, косвенно.

Тем не менее международно-политический процесс движения к многополярности [10], по нашему мнению, в перспективе приведет к тому, что жесткое противостояние России и «коллективного Запада», принимающее в экономике форму блокирования внешнеэкономических связей национальных экономик, постепенно будет распространяться и на другие страны мира через механизм вторичных санкций или угрозы их применения. При этом указанные процессы раз-

растания кризиса главенствующей сегодня модели открытой экономики неизбежно затронут не только экономические, но и политические, культурные, иные процессы. Современный кризис, как нам представляется, должен обеспечить переход к новому устойчивому состоянию экономики и геополитики, которое характеризуется многополярностью в политике и глокализацией в экономике.

По нашему мнению, попытка преодолеть санкционные удары по России географической переориентацией внешнеэкономических взаимодействий может быть результативной лишь в краткосрочной перспективе, как тактическая мера. Стратегически она не работает, поскольку изъяны модели открытой экономики, состоящие в высокой (а в ряде случаев — критической) зависимости национальной экономики от внешнеэкономических взаимодействий, не могут исчезнуть. Эта зависимость — атрибутивное свойство модели открытой экономики. Поэтому в критически важных для национального развития областях такая открытость должна быть снижена.

В этой связи в качестве ключевой цели экономической политики в России в среднесрочной перспективе выдвигается обеспечение технологического суверенитета [11; 12]. Между тем технологический суверенитет понимается нами не как автономизация российской экономики, не как стремление к автаркии, но как обеспечение защиты от рисков поставок технологий из недружественных стран. Иными словами, и на это нами обращено внимание ранее в исследовании, проведенном совместно с профессорами Ю. В. Вертаковой и А. А. Черниковой [13], речь должна идти не об «импортозамещении», а о «снижении рисков импортозависимости».

Соответствующие задачи могут быть решены тремя основными способами [14]: во-первых, через налаживание более тесного взаимодействия с дружественными странами (тактическая мера); во-вторых, развитие российских импортозамещающих производств; в-третьих, опережающее развитие отечественных технологий для того, чтобы вызвать частичную взаимную технологическую зависимость экономик недружественных стран от России и в итоге снизить соответствующие риски.

Системная работа по обеспечению технологического суверенитета РФ уже начата. В частности, постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 утвержде-

ны Приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации, а также принято решение о создании Межведомственной комиссии по технологическому суверенитету и структурной адаптации экономики Российской Федерации. Предполагается, что отобранные в соответствии с указанным постановлением Правительства РФ проекты получают государственную поддержку.

Полагаем, что издание вышеупомянутого документа и аналогичные меры должны сыграть положительную роль. Вместе с тем, по нашему мнению, существует опасность излишнего «вхождения» государства в экономику, что может привести к подавлению предпринимательской инициативы и в итоге к снижению эффективности долгосрочного развития. Иными словами, одна из ключевых проблем современной России, как и в период начала рыночных реформ, связана с поиском баланса в отношениях государства и бизнеса, баланса между использованием планово-распорядительных и рыночных инструментов регулирования хозяйственных процессов [15; 16].

Этот баланс, по нашему мнению, должен быть основан на том, что сегодня этап усиления государственного вмешательства в экономику должен носить временный характер, он обусловлен лишь необходимостью нивелировать негативные последствия наблюдаемой турбулентности (тактические меры) и создать надежные предпосылки для перезапуска механизмов экономического роста и социально-экономического развития применительно к условиям постнормальности. После завершения переходного этапа, по мере выстраивания новой институциональной структуры и нового баланса открытости/закрытости экономики, государство должно будет ослабить свой интервенционизм.

Несмотря на то, что сегодня требуется более активное вмешательство со стороны властей в экономику, не только на уровне регулирования, но и прямого управления отдельными, критически важными для страны экономическими процессами и объектами, государство не должно и не сможет без кардинального переустройства системы общественных отношений, в том числе политической модели, эффективно заместить инициативу бизнеса. Сегодня, несмотря на то, что страна находится в острой фазе кризиса, вызван-

**Индекс реальных денежных доходов населения Российской Федерации, % к 2013 г.
(принят за 100 %)**

Table 4. Index of real money income of the population of the Russian Federation, % to 2013 (taken as 100%)

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
99,2	95,7	91,3	91,9	93,4	95,2	93,9	97,6	96,1

Примечания: 1. Построено автором с использованием данных Росстата. 2. Данные за 2022 г. приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям.

ного политико-экономической турбулентностью, следует теоретически прорабатывать механизмы посткризисного безболезненного выхода государства из режима «ручного» управления экономикой, возврата к работе автоматических регуляторов.

Наконец, структурная трансформация экономики, перезапуск механизмов экономического роста, достижение технологического суверенитета и решение иных важных и неотложных задач видится возможным лишь с опорой на развитый и развивающийся внутренний рынок, что требует стабильного и развивающегося (как по объему, так и по структуре) потребительского спроса. Следовательно, одной из приоритетных задач для властей сегодня является обеспечение роста доходов населения и снижение уровня их дифференциации.

Вопрос доходов населения на фоне современной дискуссии о преодолении санкционных ограничений и в научной литературе, и в общественно-политическом дискурсе отошел на второй план. Между тем без его решения ни о каких успехах в переходе к этапу постнормального развития говорить не приходится. Экономика существует не сама по себе, она ориентирована на удовлетворение человеческих потребностей [17]. Пока же, как видно из таблицы 4, реальные располагаемые доходы россиян, начиная с 2014 г., устойчиво стагнируют.

В рамках теоретических представлений о целях экономического роста [18; 19] и декларируемой направленности государственной политики в экономической и социальной областях (например, Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», принятый «в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфорт-

ных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека»), повышение благополучия людей, рост уровня и качества жизни населения являются наивысшим приоритетом.

Российская же практика говорит о том, что это — лишь декларация. Последнее подтверждается данными и таблицы 4, и рисунков 1 и 2, на которых приведена структура ВВП РФ по доходам в 2014 и 2022 гг. Очевидна ее деградация: если рассуждать в терминах марксизма, то можно заключить, что в настолько ответственный период, связанный с трансформациями национальной экономики, обуславливающими ее жизнеспособность, эффективность и суверенность на стратегическую перспективу, резко возросла эксплуатация труда капиталом.

Экономические процессы, в том числе на макроуровне, как показали исследования Дж. М. Кейнса [20], во многом определены психологическими факторами. Институциональные преобразования, сопровождающиеся не однократным, но систематическим и долгосрочным снижением уровня жизни населения, перераспределением богатства от лиц наемного труда, составляющих большинство населения страны, в пользу собственников средств производства не могут встречать поддержки населения, а без нее — обречены на неуспех.

Шагом в правильном направлении в этих условиях является инициирование проекта Федерального закона № 379248-8 «О налоге на сверхприбыль», который 28 июня 2023 г. принят нижней палатой парламента в первом чтении. Согласно финансово-экономическому обоснованию, представленному Комитетом Государственной Думы по бюджету и налогам, принятие и реализация этого закона приведет к поступлению дополнительных доходов в федеральный бюджет в размере 300 млрд рублей. Автор разделяет позицию, высказанную по данному законопроекту главой профильного

Рис. 1. Структура ВВП России по источникам доходов, 2014 г., %
Fig. 1. Structure of Russia's GDP by sources of income, 2014, %

Рис. 2. Структура ВВП России по источникам доходов, 2022 г., %
Fig. 2. Structure of Russia's GDP by sources of income, 2022, %

Источник: построено автором по данным Росстата.

Источник: построено автором по данным Росстата.

комитета парламента: «Мне ... не нравятся любые варианты увеличения налогов, я считаю, что увеличение налогов — это плохо, как таковое... [Но] это вопрос о том, все ли сегодня должны нести ответственность за решение тех проблем, которые стоят перед страной» [21].

Переход к новым условиям хозяйствования, связанный с корректировкой ключевых характеристик модели открытой экономики, а также выстраивание системы новых институтов, адекватных новым реалиям, требуют общественного консенсуса и взаимной ответственности государства, бизнеса и населения, что предполагает и создание механизма более справедливого перераспределения доходов и богатства. Без этого необходимые реформы и трансформации могут «забуксовать».

Выводы

Подводя итог, укажем, что сегодня российская экономика находится на очередном переходном этапе развития. Экономика в целом смогла адаптироваться к новым условиям функционирования, но это — тактическая адаптация, в стратегическом плане ее недостаточно. Следовательно, требуется более сбалансированное и активное участие государства в регулировании и управлении процессами экономического развития при условии формирования действенных экономических и иных стимулов для поддержки данных процессов как для бизнеса, так и для населения. Для этого в экономической политике целесообразно полнее учитывать концептуальные положения, которые раскрыты в настоящей статье.

Список источников

1. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6. С. 15–21.
2. World trade statistical review 2021. Geneva: World Trade Organization, 2021. 134 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf (дата обращения: 03.07.2023).
3. Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
4. Плотников А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2. С. 194–199.
5. Гришков В. Ф. Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 88–95.
6. Мухомов Д. В., Фролов А. О. Оценка влияния кризиса на нефтегазовую отрасль РФ // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3. С. 31–34.

7. Полтораднева Н. Л., Разумов В. И. О научном обеспечении импортозамещения в национальной безопасности России // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 1-2. С. 235–256. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-235-256
8. Гермейер Ю. Б. Введение в теорию исследования операций. М.: Наука, 1971. 384 с.
9. Путин заявил, что санкции против России останутся надолго // РБК. 2023. 4 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/642c12109a79475385fd5639> (дата обращения: 03.07.2023).
10. Дробинин А. Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62
11. Егорова А. А., Данилов И. А., Довбий И. П. Технологический суверенитет: ретроспективный анализ и перспективы в условиях повышенной волатильности экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12. С. 33–44. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11205
12. Максимцев И. А., Рекорд С. И. Трансформация цепочек производства минерально-сырьевых ресурсов в современных условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6. С. 9–14.
13. Черникова А. А., Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10. С. 28–39.
14. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-6-524-537
15. Государство и рынок в оптимизации структурных характеристик экономического роста: коллективная монография / отв. ред. Д. Ю. Миropольский, А. В. Харламов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2004. 475 с.
16. Структурная трансформация экономики: соотношение плановых и рыночных механизмов реализации: монография / ред. А. В. Харламов, Д. Ю. Миropольский. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2001. 336 с.
17. Добрынин А. И., Ивлева Е. С., Плотников В. А. Социально-экономические программы роста экономики и качества жизни // Экономика и управление. 2006. № 1. С. 23–30.
18. Вертакова Ю. В. Обзор экономических подходов и моделей для прогнозирования ВВП // Экономика и управление. 2016. № 2. С. 22–29.
19. Тосунян Г. Банковская система России и экономический рост: стратегические цели и необходимые меры // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 8. С. 20–33.
20. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. М.: АСТ, 2022. 544 с.
21. Законопроект о налоге на сверхприбыль принят в I чтении // Интерфакс. 2023. 28 июня. URL: <https://www.interfax.ru/business/909331> (дата обращения: 03.07.2023).

References

1. Plotnikov V.A. Prospects for economic development under postnormal conditions. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(6):15-21. (In Russ.).
2. World trade statistical review 2021. Geneva: World Trade Organization; 2021. 134 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf (accessed on 03.07.2023).
3. Bodrunov S.D. *Noonomics*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2018. 432 p. (In Russ.).
4. Plotnikov V.A. Modeling crisis forms in the national economy under the impact of the non-economic shock (case of the Russian crises of 1920 and 2022). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(5-2):194-199. (In Russ.).
5. Grishkov V.F. Impact of political and economic turbulence on the regional economy (by the materials of the Leningrad region). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(4):88-95. (In Russ.).
6. Mukhortov D.V., Frolov A.O. Assessment of the macroeconomic crisis in the oil and gas industry of the Russian Federation. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2022;(3):31-34. (In Russ.).
7. Poltoradnaya N.L., Razumov V.I. Scientific support of import substitution in the national security of Russia. *Idey i ideal'y = Ideas and Ideals*. 2023;15(1-2):235-256. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-235-256
8. Germeier Yu.B. Introduction to the theory of operations research. Moscow: Nauka; 1971. 384 p. (In Russ.).
9. Putin said that sanctions against Russia will remain for a long time. RBC. Apr. 04, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/642c12109a79475385fd5639> (accessed on 03.07.2023). (In Russ.).
10. Drobini A.Yu. Image of a multipolar world. *Rossiia v global'noi politike = Russia in Global Affairs*. 2023;21(2):54-62. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62
11. Egorova A.A., Danilov I.A., Dovbiy I.P. Evolution of the concept and characteristics of technological sovereignty: A retrospective analysis and prospects in conditions of increased volatility of the economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(12):33-44. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11205
12. Maksimtsev I.A., Rekord S.I. Transformation of the mineral resources production chains in modern conditions. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(6):9-14. (In Russ.).
13. Chernikova A.A., Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Import substitution as an economic policy tool for managing the risks of import dependence: A choice of approaches. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(10):28-39. (In Russ.).
14. Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Prospects for the Russian economy: New challenges to economic security and public administration restructuring. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(6):524-537. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2022-6-524-537
15. Miropolskii D.Yu., Kharlamov A.V., eds. The state and the market in optimizing the structural characteristics of economic growth. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2004. 475 p. (In Russ.).

16. Kharlamov A.V., Miropolskii D.Yu., eds. Structural transformation of the economy: Correlation between planned and market implementation mechanisms. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2001. 336 p. (In Russ.).
17. Dobrynin A.I., Ivleva E.S., Plotnikov V.A. Socio-economic programs for economic growth and quality of life. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2006;(1):23-30. (In Russ.).
18. Vertakova Yu.V. Review of economic approaches and models for GDP forecasting. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(2):22-29. (In Russ.).
19. Tosunyan G. Russian banking system and economic growth: Strategic aims and necessary measures. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Theoretical and Practical Aspects of Management*. 2016;(8):20-33. (In Russ.).
20. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. London: Macmillan; 1936. 383 p. (Russ. ed.: Keynes J.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Moscow: AST; 2022. 544 p.).
21. Excess profits tax bill passed in first reading. Iterfax. Jun. 28, 2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/909331> (accessed on 03.07.2023). (In Russ.).

Сведения об авторе

Владимир Александрович Плотников

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 17.07.2023
Прошла рецензирование 10.08.2023
Подписана в печать 29.08.2023

Information about Author

Vladimir A. Plotnikov

D.Sc. in Economics, Professor,
chief researcher

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Received 17.07.2023
Revised 10.08.2023
Accepted 29.08.2023